

АЛЕКСАНДР НЕПОСЕДА

Театр полутеней

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

Александр Непоседа
Театр полутеней.
Современная проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17713236

ISBN 9785447455552

Аннотация

Реалии жизни в России и не только. Судьба и мечта. Точки соприкосновения. Время. Пространство. Взаимосвязанность. Герои миниатюр живут среди нас. Узнали? Добра тебе, читатель.

Содержание

Бесконечный карнавал	5
Звонок	9
Воры	11
Дубль	13
Горько	15
Дождь	17
Директор культуры	23
Кадр	27
Потуги	30
Пыль	32
Три товарища	34
Искра	36
Бэла	39
Маска	42
Обида	44
Медаль	49
Роза для Фролова	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Театр полутеней Современная проза

Александр Непоседа

Фотограф Наталья Вахонина

© Александр Непоседа, 2019

© Наталья Вахонина, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4474-5555-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бесконечный карнавал

Красота выше правды. Это действительно так. Известно, что правды нет, а красота – величина постоянная.

Ане было десять, когда родители погибли. Они жили в небольшом домике на краю оскудевшей деревни. Отец, мать и Аня. На уроке физкультуры дети прыгали через «козла», кто-то принес весть о пожаре. Дом сгорел вместе с родителями, они пили уже вторую неделю, так видимо ничего и не поняли, не успели понять, не смогли покинуть дом. Для этого нужно было встать, а сил не осталось.

Аню забрала бабушка, в районном центре у нее была фабричная квартира. Однокомнатная, на втором этаже. Крохотная кухня. Совмещенный санузел. В зале полированный стол, этажерка, сервант и кровать. За окном серые лоскуты частного сектора. После выхода на пенсию бабушка страдала одиночеством. Ане приобрели раскладушку. По ночам на крыше стоял кошачий визг. Лунный свет ложился на прохладный пол. Так они зажили вдвоем.

В девятом классе Аня внезапно, в несколько недель, сбросив надоевшую скорлупу, стала самой красивой девочкой среди старшеклассниц. Тонкая, гибкая, пушистые ресницы, нежный румянец. Серые глаза.

Соседом по парте объявил себя Сережа. Круглый отличник, но не из тех, не из «ботаников». Спортсмен, молодой бандит. Сын директора школы. На перемене, Крупенина больно ткнула в бок, нехорошо обозвала. На третий день Сергей вызвался проводить ее до дома. Возле подъезда схватил за локоть, развернув Аню к себе, и попытался поцеловать, вторая рука ощупывала грудь, ей стало страшно. Напрягая слабые руки, оттолкнула. И тогда он ударил. Очень сильно. В лицо. И ушел.

Неделю она просидела дома. Бабушка накладывала примочки, ругая скользкие зимние дороги и нерадивого дворника. Вернувшись в школу, за партою сидела одна. Сережа пересел к Лене Крупениной, волоокой и пышной девочке. Никита Суховой, бывший сосед Лены по парте, страдал теперь в самом углу класса, на «камчатке». Крупенина, поймав взгляд Ани, усмехнулась.

После третьего урока ее вызвали к директору школы. Красивый сухой мужчина, с благородной головой, пронзительные глаза.

– Расскажи, что там у вас случилось? Это действительно был мой шалопай?

Он очень пристально разглядывал, непозволительно пристально, и Ане стало неуютно.

– Да, это был ваш сын!

– Ну, хорошо, хорошо. Ты только не волнуйся, я накажу его по-своему. Мало не покажется! А ты, молодец! Смелая

девочка! Иди, я разберусь с Сергеем.

Во время школьного новогоднего бала. Девочки красавицы. Мальчики кавалеры.

Аня шла по коридору, возвращаясь из туалета в зал. На встречу быстро приблизились три фигуры в масках. Ловко зажали рот, схватили и втолкнули в класс. Щелкнул запираемый замок. Начали срывать колготки, трусики, завернули подол платья. Разжав губы, Аня схватила зубами чью-то ладонь и закричала так, как никогда не кричала до этого.

В дверь забарабанили, потом она вздрогнула и с треском распахнулась. Все увидели директора школы. Олег Львович тяжело дышал.

Кинув взгляд на Аню, он все понял. Прохрипел.

– Снимаем маски, господа. Теперь вам уже не отвертеться.

И в это время раздался голос Сережи.

– Зря ты так!

Потянув из кармана что-то черное, тускло блеснувшее, оглушил внезапно грохотом выстрела. Директор повалился через учительский стол, рухнул на пол. Кавалеры карнавала бросились бежать, сбивая стулья, мешая друг другу в проеме дверей. На звук выстрела мчались дети, преподаватели, коридор наполнился многочисленными шагами и гудел от топота.

А она, стиснув зубы, плача, одевалась. И не сводила глаз с темного пятна, растекавшегося по линолеуму в луче света

от распахнутой двери.

В тот же синий, предновогодний заснеженный вечер их взяли, троих одноклассников Ани. Прошла зима, состоялся суд, осужденные убыли под конвоем.

Три раза в неделю Аня навещала жену Олега Львовича. Женщина так и не смогла оправиться от постигшего горя. Аня прибирала квартиру, мыла горы посуды, готовила. Старалась не смотреть на фотографии. Старший Клёнов в черной рамке, младший с футбольным мячом в руках. Но глаза все равно смотрели. Ирина Владимировна тихонько плакала, куталась в шаль, когда девочке наступало время уходить.

Окончив школу с прекрасными отметками, Аня поступила в институт и уехала навсегда из среднерусского городка. Никита Суховой погиб в Афганистане, был захвачен в плен чуть живым, что не помешало душманам вырезать на его спине звезду. Крупенина работает билетершей в местном кинотеатре. Ждет своего Сережу. Напившись отвратительной водки по субботам с подругами, смотрит в окно. Где, как и сто, и триста лет назад, наметает огромные сугробы вдоль берега промерзшей реки. По ночам воет ветер, проносясь по темным, чернеющим улицам.

А утром, только погаснут бледные звезды на студеном небе, взбесившимися стаями, жутко крича, мчится вороньё, по одному, только ему известному, маршруту.

Звонок

Наутро по выходным Кузовкин любил пить чай. Горячий, с тремя ложками сахара. Кухонное окно глядело на прилегающий частный сектор.

– Кулачье недобитое!

Каждый раз шептал он, глядя сквозь мерзлое стекло на крепкие дома, огороды и заборы. Особенно раздражала колонка, где жители набирали воду в ведра и фляги. Сейчас она напоминала сверкающий айсберг. Стоял морозный декабрь. Бело, искристо, студено.

Над крышами струились вертикальные дымные столбы. Квартиру он получил два месяца назад, как молодой специалист.

– Мелко копаете! Секретарь горкома комсомола!

Но это уже тихо. Про себя. Чтоб никто не услышал.

Вода была в кранах. Холодная и горячая. От этого он чувствовал себя на высоте. Хотя дом был двухэтажный.

У соседей была дочь, десятиклассница. За тонкой перегородкой была ее комната, иногда слышался девичий голос. Кровать установил вплотную к стене. Представлял, что они спят вместе. Но она при встрече даже не здоровалась.

– Вот, юная стерва!

Раздался звонок в дверь. Распахнул. Цыганка, в полушуб-

ке, расписной шали, смугло-румяное лицо, и девочка трех лет перед ней. Закутанная в шерстяной платок поверх короткого пальто. Чулочки и легкие ботики на ногах.

– Добрый день, дорогой! Дай воды нам напиться!

Ребенок, глянув черными глазами херувима, пытался шагнуть за порог.

Кузовкин подставил колено, перекрывая проход, и брезгливо отстранив свое тело вглубь прихожей.

– Так колонка на улице! Не чай! Всем наливает.

Захлопнув дверь, застыв, услышал удаляющиеся шаги, детский плач. Усмехнулся. На столе его ждал остывший бокал.

– Сволочи! Весь кайф испортили!

Воры

Она мужеподобна, тяжело топая, движется по улицам. Больна позвоночником – следствие занятий борьбой в юности. Теперь полуразбитая развалина. Одевается невзрачно, безвкусно. Вместо прически остриженное гнездо.

Он меньше супруги на голову. На восьмом месяце беременности. Живот, слабые ноги, тусклое лицо.

В лихое время промышляли уходом за престарелыми людьми. Захватывая квартиры, вышвыривая стариков и старух на улицы. Торгуясь с покупателем жилплощади, ввали, выкручивались, клялись, заглядывали в глаза. Втихаря пересчитывали деньги.

Учитывая его опыт секретаря заводского комитета комсомола, все складывалось удачно. Она была исключительно бовиком. Со всеми вытекающими. Копила свой личный опыт.

В прокуратуре. Милиции. Больницах. И прочая и прочая.

Пригодилось. Выставился на продажу детский лагерь. С банковским кредитом хапнули и его. Воровские привычки переползли на детей. Она заведует теперь пищеблоком, связями с Роспотребнадзором, прокуратурой, полицией, медицинскими учреждениями.

Врут, изворачиваются, грешат с подделкой документов, воруют детский летний отдых, детские души, доходы и про-

дукты. Зиму она не работает, плата за квартиру, плата за обучение сына в Перми, за его снимаемую жилплощадь.

Дочь. Полная копия матери. Ничего девичьего. В гимназии ее презирают. «Оно».

– Будем звонить отцу?

Боевик задает вопрос девочке 7 лет.

Ребенок в слезах, дрожит, сжался в кресле от ужаса. Полчаса назад ее обидели мальчишки во время тихого часа. Она выбежала в коридор спального корпуса, пытаясь доказать, что все совсем не так. Пацаны убежали, а она была схвачена крепкой рукой.

Она прекрасно знает, как будет бить ее отчим по возвращению домой.

– Так мы будем звонить отцу?!

Голос зычный, дробящийся гневом. Здоровенная, неряшливая дама заглядывает прямо в детские глаза.

Все это происходит в наши дни. Во время тихого часа.

Вы обратили внимание, какая тишина?

Дубль

Две сестры. Разница в возрасте четыре года. Росли без драк, без дележа игрушек. Родители не баловали. Старшая первой вышла замуж. Свадьба, поздравления родителей, сестры, друзей и подруг.

Затем сумасшедший роман у младшей. То ли он сбежал, то ли она заигралась.

Правду знают только с ее слов. Замуж все – таки вышла. Время прижало. Возникла необходимость реабилитации общества. Без любви. Бывает.

Старшая, вырастив детей, безумно и слепо влюбилась, разрушая семью, впрочем уже разрушенную пьянством мужа. Пытается строить свое женское счастье. Там и любовь взаимна. Видимая издалека, по ауре. По глазам и дыханию.

Все, включая сослуживцев, родителей, просто знакомых, друзей знакомых, не вспоминаемых подруг, абсолютно все, кому совершенно нет дела до этого – клюют женщину со всех сторон. Исключительно в благих намерениях, желая добра.

Не принято радоваться чужому счастью.

Теперь младшая, в домашних разговорах, с родителями, в телефоне, на улице, хватая сестру за рукав.

– Что ты в нем нашла? Какая же ты дура! Какая любовь?

Не хочет счастья никому. Раз у самой не случилось.
И так в течение семи лет. Завидная настойчивость.

Горько

Село. Летний день. Безоблачное небо – той глубины, что бывает только в июле. В самом центре, среди запылённых автомобилей, брошенных на землю велосипедов, среди разудалого разгорающегося веселья.

– Нет, нет, ручку чуть – чуть влево! Прелестно, мадам! Изумительные туфельки! Ближе! Еще! Вот так! Теперь жених – улыбнитесь! Дорогой мой, не так, вы же не на похоронах, а на собственной свадьбе! Да бросьте вы эти никчемные условности! Обнимите и целуйте!

Неужели мне вас учить? Господи! Разве так целуют свою невесту? Глаза должны гореть! Ах! Какая свежесть лица! Стоп! У вас же галстук неправильно завязан! Сообщество дилетантов! Вот так! Здесь подтянем! Пиджак на одну пуговицу! Платочек на кармане уголочком! Вы не стесняйтесь, я – профи! Могу всё! Ха-ха-ха! Ну, это не к месту, извините. Становитесь лицом ко мне! Так-так. Тени! Ракурс не тот! Повернитесь влево! Вот! Теперь целуемся! А, чёрт! Чья собачка?! Уберите её сейчас же! Какая мерзость! Ни какого такта! Молодые! Смотрим на объектив! Невеста! Поправьте ей фату! Цах-цах! Нет! Придётся продублировать! Жених! Возьмите её за руку! Она не кусается! Поверните к себе! Восхитительно! Обнимайте правой рукой! Минуточку! Я дол-

жен видеть манжет на вашем рукаве! Отлично! Отбросьте фату! Это же не простынь! Немного! Чтобы сохранить загадочность! Боже! Какой профиль! Замечательно! Наклон головы! Ну, целуйтесь же! Максимум романтичности!

Цах-цах.

В черном костюме, среди раскалённого дня, с мокрой прядкой жиденьких волос, с тонкой шеей и нервными руками, неуклюже двигаясь вокруг неопрятного фонтана, куря папиросу одна за другой, соря пеплом по растрескавшемуся асфальту и рассеянно, невпопад улыбаясь – на пике своей бесталанности. Фотографии его не в цене. Слишком неприятно, вглядываясь в них, вспомнить блеклого, кричащего мужчину, в изношенных ботинках, в несвежей рубашке, с тонкими рыжими волосами на бледных запястьях.

Да и дело совсем не в этом. После свадьбы – жизнь начинается.

Дождь

Утро. Дождливое, тёплое, напоенное запахом молодой листвы и мокрого асфальта. Пронизанное насквозь грохотом и шелестом капель по крышам домов, по многочисленным зонтам прохожих, с весёлым журчанием струй из водосточков, юрких ручейков. Облака так низки, тяжелы влагой, что с трудом переваливаются через кровли многоэтажек. Всё мокро, блестяще, с радостным ощущением новизны после долгого и холодного апреля.

Вспыхнул красный сигнал светофора. Мимо замерших автомобилей по пешеходному переходу хлынул спешащий поток, дробясь отражениями в мелких лужах; куртки, плащи, зонты, торопливый шаг. На противоположной стороне улицы, напротив Драмтеатра выпорхнула из тесноты маршрутки девушка. Лёгкое пальто, голова раскрыта, волосы волною стекают к плечам, туфли на высоком каблучке на стройных ногах.

Какая – то хрупкая и трогательная в этой хрупкости. Зонтика у неё не было, и она стремительно побежала вдоль здания театра. Зажегся зелёный, я повернул вслед за ней, понимая, что укрыться от дождя незнакомке не удастся – театр в это время ещё закрыт, а площадь перед ним оmyвается с неба; и деревья, и лужайки, и скамейки, и дорожки со сверкающей красной плиткой.

Поравнявшись, остановил машину, отворив переднюю дверь.

– Садитесь, прошу вас, иначе совсем промокнете!

Она быстро взглянула на меня, чуть склонив голову.

– Спасибо!

Подобрав намокшие полы пальто, опустилась на сиденье, осторожно прикрыв за собой.

– Скажите, куда вам? Я отвезу.

– А у вас есть время? Дайте мне подумать.

Вынув носовой платок из сумочки, промокнула щёки и лоб – движением к вискам. На волосах блестят дождевики. По-весеннему возбуждена. Красива и молода. Запах женщины. Стучали капли по капоту и крыше, струйками стекали по лобовому стеклу, дождь становился сильнее. В девичьих глазах, с той изумительной азиатской раскосинкой и длинными ресницами, замирала тревога. И я терпеливо ждал.

– Какой негодяй!

Воскликнула она, сжимая кулачки. Повернувшись ко мне, прошептала.

– Можно попросить вас?

– В разумных пределах, конечно.

– Нужно вернуть мой зонтик.

– И где же он? Что-то случилось с вами сегодня утром?

– Вы понимаете, я хотела снять жильё, позвонила вчера вечером по объявлению, а сегодня отправилась по адресу. Мне всё понравилось, и светлая комната, и большая про-

сторная кухня-столовая, и чистота. Хозяин долго наблюдал за мной, а перед моим уходом вдруг сказал, что у него одно только условие – приходить ко мне ночью, иногда.

Она сверкнула глазами. Губы задрожали.

– Я так разозлилась, бросилась вон и забыла свой зонт в прихожей.

– В следующий раз никогда не ходите по адресам в одиночку. Это чревато последствиями. А зонт мы вернём, говорите адрес. Заодно посмотрим на стареющего ловеласа. Только поднимусь я к нему один, вы подождёте в машине.

Через пять минут мы остановились возле дома, где по моим сведениям проживали работники милиции-полиции.

– Номер квартиры?

– Сорок третья, вот в том подъезде.

Я вышел из машины, охваченный дождём, набрал номер на домофоне.

– Я по объявлению. Можно посмотреть квартиру?

Поднялся на третий этаж. Стряхнув с себя влагу и причесав волосы, позвонил. И сразу узнал его. Невысокий, остроухий, с бесцветным бобриком на круглой голове, с короткопалыми руками. Халат и тренировочные штаны. В прошлом году, будучи инспектором, он остановил меня на въез-

де в город. Скучающе-постное выражение лица, постукивание жезлом по ноге в измятых брюках. Излишне внимательно просмотрел документы. Обошёл дважды машину. И выписал штраф за забрызганный задний номер, до самого конца всей этой клоунады надеясь на подачку, но я выдержал. Ситуация меня забавляла.

А за четверть века до этой встречи на автостраде, мы были вместе в учебной роте перед отправкой в Афганистан. Правда, он был в составе второго, соседнего по размещению в казарме взвода, но я его запомнил. А вот он забыл, или старательно делал вид, что мы не знакомы. Бесцветный ничего не умел, и не хотел. Второй взвод бегал четыре раза в неделю шестикилометровый кросс с полной боевой выкладкой, в то время когда остальные в роте отдыхали. Зачет времени на финише, как известно, проводится по последнему из подразделения. С ним старались говорить, били, не давали воды и оставляли без ужина, отнимали сигареты – он отстранённо улыбался и чего-то ждал. Все уже догадывались о его роли в сумасбродной игре с реальностью.

С полигона, где проводились стрельбы, второй взвод обречённо возвращался на учебный пункт бегом, из под касок стекал пот и высыхал белыми пятнами на гимнастёрках – взводный изгой не попадал в мишени. Пули взрыхливали песок или уносились в раскалённое небо. Взвод наливался злобой. Невыносимая жара добавляла особой прелести в беско-

нечный марш-бросок.

А закончилось до мерзости банально. Приехал его папа, полковник, работник военкомата, отставник. Результатом приезда – стал отъезд отпрыска домой. Ребята облегченно вздохнули.

Ещё никто не знал, что через год из этого боевого взвода в живых останется только 11 человек.

С древних времён война равнодушна к юности.

И вот мы наедине, лицом к лицу. Я знал, что его недавно выгнали из ДПС за неблаговидный проступок, что крепкий, здоровый мужик сидит дома, изредка промышляя частным извозом.

– Тут моя племянница зонт оставила!

Я шагнул в раскрытую дверь, он отпрянул. В глазах мелькнул страх. Испугался, что она рассказала мне всё? Увидел уютно стоящий возле вешалки зонтик. Взял его в левую руку. Он переминался с ноги на ногу, сопел и отводил взгляд. Было слышно, как по подоконникам барабанит дождь. Барабаны судьбы! Вспомнил я фильм из детства с таким названием и вспыхнул решимостью.

– Учебку в Душанбе помнишь?

Зрачки его расширились. Теперь он не сводил с меня глаз.

– Почти все ребята твоего взвода погибли, а ты сбежал, сволочь!

И не давая ему опомниться, со сладострастием врезал ему в скулу. Некрасиво завалившись на пол в угол прихожей, сбив по пути пуфик и неуклюже пытаясь удержаться на ногах, хватая рукой воздух, снизу, с шипением, ожидая, что будут бить ещё, закрыв лицо.

– Я не мог! У меня аппендицит болел!

– Зато они не знают, что такое боль! И от племянницы привет!

Я вышел под низкие облака и подставил лицо свежим прохладным каплям долгожданного мая.

Директор культуры

Ей 36. Чопорность с неопрятностью – невероятная смесь. Директор сельского клуба. Родилась в этом же селе, но, получив какое-никакое образование в училище культуры областного центра, смотрит на односельчан сверху или сквозь них.

Будучи невысокой, постоянно ходит на каблуках, даже в туалет, расположенный в дальнем заснеженном углу.

Всем своим поведением и речью навязчиво лепит из себя аристократку. Не подозревая о том, что именно аристократы французского двора, не моясь месяцами, попросту выливали на себя и одежду немислимое количество ароматизированных эссенций. Она же делает это интуитивно.

Купленную зимой шубу сняла, когда стало неудобно в ней перешагивать через майские лужи.

Речь высокопарна, запутана, сложна для восприятия. Голова ее забита до краев словами и фразами, услышанными по ТВ.

«Мы двигаем культуру». «Объем неохватной работы» – тут уж без комментариев.

Лицо киношное. Таких актрис брали на роли правильных девочек в советских фильмах. То есть живущих по установленным правилам. И настучать куда надо, и на кого на-

до. И без всякого секса. Но зато, краснея лицом, выступить на собрании и заклеить, то есть заклевать, за неблагоприятный поступок всякого инакомыслящего.

Заметив детей, катающихся с ледяной горки – «Сплошной неадекват»!

У самой двое. Результат гражданских браков. Мальчики, 7 и 12. Небо и земля. Старший спокойный, учтив, скромн. Младший, по взгляду, повадкам и разговору – будущий бандит. Домашнего хозяйства ни какого. «В земле пусть крестьяне копаются»

Работу клуба ведет по-паучьи, докуметально. «Главное – своевременные отчеты, мы с массами работаем».

В магазине въедливо проверяет упаковку сметаны. Продавцы сельмага вздрагивают при ее появлении. Напряжены, в ожидании провокаций.

Курит. Утонченные дамские сигареты и щелчок зажигалки. Вся в движении. Все видит и слышит. Успеваеt ответить всем или заткнуть рот оппоненту, не оборачиваясь. Вульгарна, самолюбива. С налетом площадного хамства.

А сейчас перевернем, читатель, бинокль. Взглянем на то, чего не видят жители поселка. Они знают, что иногда, на выходные, она с детьми уезжает в город. Отдыхать. Многие этому откровенно завидуют. От неведения.

Следующий по списку «гражданский муж», живущий городской сутолокой.

Семья. Жена и дочь 7 лет. Что он им лжет в конспиративных целях?

А сколько энергии, эмоций, переживаний, хлопот, телефонных звонков, вранья, сумрачных тайн этой чужой семейной жизни. Какая тема для драматурга!

Купил для селянки комнату в малосемейке. Ремонт, мебель, пластиковое окно, металлическая дверь. Две кровати для мальчиков.

На ночь она исчезает, возвращается рано утром. Чаше – пьяна. Теперь говорит исключительно матом, даже с детьми. Курит в коридоре. Стучит в дверь к подруге, просит сбежать в магазин. Опохмеляются. Снова курят, уже вдвоем. Потом валится спать. До вечера. Выход в ночь.

Круг второй. Выходные закончились. Ранним утром, первым автобусом – домой.

Ярко накрашенная, с помутневшими глазами, сигарета в пятнах губной помады, кричит с надрывом – «...вашу мать, бегом, а то опоздаю на работу». Мальчишки напуганы поведением матери, спешат впереди нее с сумками. Снег, холодный ветер. До автовокзала еще очень далеко. Она еще

тысячу раз объяснит им, что необходимо сказать по приезду домой, если кто спросит.

Когда же она, настоящая? И помнит ли она себя – такой?

Кадр

Трехкомнатная квартира в самом центре Перми.

Симагин, заслуженный работник. Подтянут, молодится до озверения. Дочки, старшая в девятом, младшая в шестом классах высокооплачиваемой элитной гимназии. Деньги на стол, аттестат в карман. Жена гендиректор спа-салона. Прокололся бывший хозяин, не оценил силу полковника. Теперь сидит. Крепко. За незаконный оборот наркотиков.

Кивок причесанной головы консьержке, трам – там там – это уже завелся мерс и двери готовы к открыванию. Утро. Стриженные газоны, летящий окуроч в них – «так привычно» – от щелчка Симагина. Надушен, отутюжен, выбрит.

Сегодня сложный день. Правда на работу он уже полгода не ходит, только расписывается в ведомости, да и то 70 процентов зарплаты отдает начальнику отдела. А отдел серьезный. Борьба с экономическими преступлениями. Вот Симагин и борется. Наводку дали на бизнесмена. А после обеда бизнесмену. Здесь двойная выгода. Можно и хозяйку поиметь и бизнес заиметь.

По радио Пугачева поет. Выключил. Стекло приопустил. Ударило свежестью улицы. «Тут же главное как? Быка за рога, корову за вымя». Этому его еще в самом начале деятель-

ности научили. Хорошие были учителя. Да и он был отличник. Всех слабо сопротивляющихся подмял. Обложил данью. Упорных спровоцировал. Нахлобучил тома уголовных дел. Неподдающихся сдал оптом, за финансирование международного терроризма и отмывание черного нала в банках. Пришлось конечно попотеть. Но все сложилось удачно. Теперь и Центральный рынок города им не принадлежит. «Распоясались уроды».

Правда и неприятность вылезла ненароком, словно водой ледяной в подвале облили. Желу начал подозревать в прелюбодеянии. Души сменила. Трусички с бантиками начала носить. Он их не на ней увидел. Открыл комод с жениным бельем. А там! Пришлось наружку организовать. Сегодня пообещали предоставить видеоматериалы «Ну, держись сука».

В голове уже прокручивалась схема сегодняшней операции. «Я вас всех построю». Зазвонил мобильник. Старшая дочь.

– Але, папа! Ко мне опять этот Мигунов пристает. Я тебе про него уже говорила.

– Так, понял. Тот, у кого отец Торговый дом держит?

– Он самый!

– Крути его на скандал, на оскорбление. Остальное беру на себя! Не волнуйся доча, мы эту торговлю для тебя отожмем. Целую.

– Спасибо папочка!

Пока разговаривал по телефону проехал на красный сигнал светофора. Свисток и взлетевший жезл мента, дающий отмашку в сторону обочины. Направив автомобиль прямо на сержанта, вильнул возле его ног, высунул из окна удостоверение и ударил по газам. «Вот козлы, и им травы свежей подавай»...

Потуги

Хозяйка фотосалона. Нескладная, скверно пахнушая. Те-ни под глазами. Скрытая болезнь. Походка нервная, дергаю-щаяся. Речь бессвязна, хаотична, «в огороде бузина».

Притворна до ушей. Хватается за все. Суется, раздража-ясь на окружающих. И фото печатать, и на футболках штам-повать, и на значках, календарях, кружках, тарелках, облом-ках камней и прочей нелепой мелочи. В итоге – бездарно, лубочно, с налетом ширпотреба.

Рычит на персонал, не выдает вовремя зарплату, обманы-вая работников, клиентов, налоговую, партнеров, поставщи-ков. «Весь этот противный мир».

Бизнес ее движется к закату. Молодые и крепкие конку-ренты, мастера новейших технологий наступают на пятки.

Разведена. Пытается прислониться то к одному, то к дру-гому. Но ничего постоянного. Утром все заканчивается не начавшись. Офис завален до потолка ненужным хламом, устаревшим оборудованием. Тут же электрочайник, невы-тые кружки, мусор, кипы бумаг, компьютер. Утром, входя, не здороваясь ни с кем.

– Кто видел мою синюю папку? Включите чайник! Сего-дня вторник или среда?

Округляя черные татарские глаза.

– Моя дочка приехала, говорит, так соскучилась!

Врет и сейчас. Все знают, что дочь, окончив школу, уехала учиться в областной центр. Приезжая только на каникулы. Будучи в десятом классе, объявила. В салоне, чтобы все услышали.

– Господи! Быстрее бы закончить школу, и бегом! Подальше от нее, от всего этого бреда!

Так и сделала. И не жалеет ничуть. Свобода дорого стоит.

Пыль

Семья. Муж, жена, двое детей. Живут в общежитии.

Сыновья; одному 8, другому 11, в комнате напротив, через коридор.

У мужа дом в деревне, вода в реке, дрова в лесу. Поэтому уходятся в городе. Она периодически выгоняет супруга вон. Характеры у обеих взрывные, до женского визга и мужского мата на весь этаж. Он уезжает в свой заброшенный дом. Возвращается.

До следующего спектакля, где главными зрителями – дети. Декорации те же.

Антракт.

Летом в ее комнате поселяется мужчина. Покупает подарки мальчикам, водит их в парк и на речной пляж.

Она, порхая от комнаты до кухни и обратно, на седьмом небе. Поет и улыбается. Новое платье, прическа, колышающиеся груди. Горячий, волнующий, медовый месяц.

Приезд мужа. Скандал, крики, слёзы, визг, милиция, плач, звон разбиваемой посуды. Любовник покидает насыщенное тепло, сумки, пакеты, куртка через руку. Золотистая пыль повисает в коридоре. Застывшие мальчики в дверях.

Долгая зима. Отец снова в деревне. Сыновья ходят в шко-

лу. Просыпаются рано, за окном черно. Небо усыпано крупными звездами. Морозно. Мать, вбегая к ним по утрам, визжит, громко, истоково, заставляет подниматься скорей. Бьет чем попадя и куда попало. Дети запуганы и ущербны.

Родитель появляется редко, но внезапно. Убедившись в семейной добропорядочности, исчезает. Старший сын, увидев в окно шагающего в сторону общежития отца, повернулся и прошептал брату.

– Комиссия приехала.

Три товарища

Время назад в поселке Верхнечусовские Городки, Пермского края, произошел уникальнейший для киносценаристов случай. Два бравых милиционера получив задачу на задержание и арест N.N., взяв с собой наручники и ордер подписанный прокурором, при оружии (пистолеты Макарова, с полными обоймами) направились по адресу разыскиваемого.

Плавился июль. Умиротворенность погрузившегося в знойный летний вечер поселка заполняла все видимое пространство, и как оказалось впоследствии, сыграло роковую роль до сих пор не сыгранную в кино.

Застав гражданина в доме, милиционеры не стали спешить с грозной мерой ограничения свободы. И они не были одиноки, N.N. был с ними абсолютно согласен и постепенно взял инициативу на себя. Кроме инициативы он еще взял и три бутылки водки, сходяв магазин (один! без конвоира!!! – (Последний день на свободе, мужики»!!!) и, вернувшись домой, приступил к завершению спектакля. Накрыл стол, свежие огурчики, жареная картошка с грибами, зеленый лучок, укропчик, тонко нарезанное сало с розовым аппетитным оттенком. Уселись на веранде.

Мы никогда не узнаем, о чем говорили эти трое, вырос-

шие в одной деревне, ходившие в одну школу, знавшие все наперечет про всех и про все. Кончилось все банально. Милицмены, приняв завышенные обязательства по объему выпитого, упали на пол, не пытаясь даже подняться – их там нашли рано утром.

А не случившийся арестант, забрав пистолеты, ордер и наручники, ушел в лес. Нашли его через полтора месяца, вернее сказать, что он сам вышел и сдался, ночи уже стали холодными, продукты видимо закончились, одним словом – неуютно почувствовал себя N.N.

Влепили ему за растоптанное милицейское знамя 12 лет. Неудавшихся конвоиров пришлось освободить от почетной должности за утерю табельного оружия. А начальник милиции /теперь уже на пенсии/ все еще вздрагивает по ночам, вспоминая как они с участковым увидели ранним утром две храпящие рожи, в милицейской форме, на руках надеты сапоги, снятые с их ног гражданином N.N. а в фуражках, лежащих рядом, мирно покоились коровьи лепешки.

Искра

Седой ёжик. Пригнутая к груди непропорциональная голова. Плечи вывернуты в обратную сторону. Голос вкрадчивый с высокой октавой в гласных. Напряженно старается выглядеть интеллектуалом. До перекоса лицевых мышц.

Работает в городской газете. Две первые страницы со вскинутой рукой. По – пионерски. Никакого негатива. Живем в лучшем городе на земле. Далее следует телепрограмма, объявления, некрополь, реклама. Семь деревень в одной телеге. Восемь страниц серой бессмысленности.

Я приведу лишь один, но замечательно гениальный ляп. Корреспондент газеты Марина Р., нахально считающая себя поэтом – немаловажная черта для журналиста – в рецензии на спектакль местного театра позволила объявить. «Моцарт как-то обратился к Сальери. Ну, что мой друг Сальери! Коль станет тебе скучно, открой шампанского бутылку, или прочти «Женитьбу Фигаро»!

Переврав Пушкина с точностью наоборот. Простим ей эту милую шалость.

Я уже хотел отбросить в сторону тусклую газетную серость, но взгляд уцепился и полетел вслед за автором, возносящимся выше и выше. Оставив Александра Сергеевича на пыльной дороге. Интуитивно, согласно собственной дре-

мучести, она обозначает «маленькие трагедии» именно так, как вы видите. С прописной буквы. Я попытался окликнуть ее, приземлить, и отправил письмо в редакцию по электронной почте.

Но не тут-то было.

Представил их растерянные лица. Мерцающие мониторы. Даму, поджавшую губы. Бледность щек. Злорадные усмешки сослуживцев. Пыльный фикус в углу.

В их, вросшем в землю, чугунном заборе безразличности, приоткрылась прозрачная в своей невесомости калитка, с надписью «Совесть»... пауза, и дружно, не сговариваясь, они захлопнули ее. Не получив ответа, я расхохотался, вспомнив довлатовское.

«Захожу в магазин. На витрине «Свежий лещ». Спрашиваю продавца.

– Почему лещ с мягким знаком?

– Какого привезли, таким и торгуем»!

Помещение в прекрасном состоянии. Оргтехника, мебель, цветы на подоконниках, ухоженное резное крыльцо. Коллективно кичатся годом начала издания. Год массовых расстрелов и лагерных эшелонов.

Ёжик заведует кроме того поэтическим сборищем местных динозавров. Копнув поглубже, увидим отцепленный от времени вагон. Комсомол, нерушимость, вечная весна.

Да и сам пописывает стишки. Глуповато сляпанные. Прочел я у него такое и поневоле задумался о физиологии человека.

«Голова не может болеть, она – кость»

Читая на «поэтических» вечерах, радуется аплодисментам. Уровень культуры слушателей равен его поэзии.

Еще один поэт, не воображайте себе, что у нас их пруд пруди. Скорее болото.

Так вот. Пишет в своих мемуарах. Я родился в день, с 3 на 4 июля. После такой строки самовлюбленности, читать далее почему то не хочется.

Заслуженный работник городского театра, почитатель седого ёжика, сидя в высоком жюри на просмотре детского и юношеского творчества, высказала восхищение.

– Спасибо дети! Вы открыли для меня новое имя. Дина Рубина! Я даже не слышала о такой!

В окно заглянул 2012 год, и отвернулся от стыда.

Бэла

В неполные 14 лет, ее огромные глаза, наполненные какой-то глубокой обреченностью, выделялись среди десятков глаз девочек, таких же, как она милых, юных и мечтающих прожить эту жизнь также счастливо, как эти дни, проведенные в Центре. Под горячим солнцем, на воздухе, наполненном запахами хвои, трав и листвы, когда на заре они спешили на утреннюю зарядку, поле стадиона блистало миллионами жемчужин росы, замершей на его стриженном газоне, а в березовых аллеях стоял несмолкаемый, переливчатый птичий гвалт. А главное – чтобы тебя любили и понимали. И слышали.

Ее привез отец, вероятно, он хотел уберечь свою дочь от семейных невзгод. Что-то у супругов не ладилось. То разводились, то сходились, подобно петербургским мостам, а девочка росла, росла и вдруг мама с папой заметили, что их трое, а не двое, как им казалось. Две огромных сумки, сопровождавшие ее хрупкую фигурку, словно говорили о предстоящей неподъемной тяжести жизненных реалий. Стройность, пластичность, обаяние, любовь к стихам и танцам словно обрисовали вокруг нее притягательный, светлый круг, втягивающий в себя всех мальчишек, отдохавших в то же время в Центре. А она, не сознавая еще эту всеобщую влюблен-

ность, принесла мне однажды их записки, и читала их с заливистым, мягким смехом. Помню, я долго беседовал с нею в тот вечер. Прямота суждений, острое ощущение несправедливости, ее умение слушать, говорить с выдержанными паузами, сочеталось с детской непосредственностью и девичьей романтикой. Только вот о родителях она ни слова не сказала. В глазах полыхнуло так, что я не спрашивал более.

Через неделю приехал отец, и они с утра до полудня бродили вдвоем по дорожкам, пронизанными солнцем и сквозными тенями ветвей. Я не знаю, о чем они говорили, но видел дважды, как она была серьезна. А вечером, во время дискотеки она снова была задорной, озорной и смешливой. Мальчишки ходили за ней, словно ослепшие от света и грохота музыки. На конкурсе чтецов она стала первой, при вручении приза спрыгнула со сцены и убежала с распахнутыми счастливыми глазами. На фестивале танца пацаны так били в ладоши, так свистели от восхищения, что она расплакалась. А позже, когда все пошли по корпусам для ночного отдыха, она долго что-то показывала на звездном небе и рассказывала сверстникам, притихшим от неожиданности.

За три дня до окончания смены, когда все на бегу, в суматошной подготовке к прощальному карнавалу, в веселых заботах по приготовлению костюмов, масок, репетициях но-

меров праздничной программы, среди этого жизнерадостного детского шума и смеха, музыки и теплого южного ветра, у ворот Центра остановился серебристый «Опель». Из него, распахнувши дверь, вышла дама и мощным ледоколом, правда сбившимся с курса, ринулась через ворота, не видя ни предупреждающей таблички о времени посещения, ни охрану, ни саму себя со стороны. Уже вцепившись в грудь охраннику, остановившего ее, вращая глазами, матерно ругаясь, она успевала выкрикивать имя своей дочери. Тяжелую и пьяную женщину оттеснили от ворот, усадили в машину, но она, уже затмившись, бросилась бегать вдоль ограды, и кричать, кипя от злобы и ненависти к девочке, что не захотела видеть ее. Резко развернувшись, качающейся походкой вернулась к машине, хлопнула дверью и уехала...

А ее дочь, в то же самое время, от стыда, пережитого в эти страшные десять минут, от бессилия исправить материнскую ошибку, от всего накопившегося за ее маленькую жизнь, полную незамеченных никем детских обид, в состоянии истерии занесли в процедурную медчасти и врач, много повидавший за свою практику, ставил укол за уколом, и все время протирал запотевшие от слез очки. Она уехала последней, приехал отец, погрузил ее сумки в машину, выглядела усталой, все-таки пришлось полежать в палате медчасти трое суток. Но когда я подошел, улыбнулась, обняла и прошептала – «Спасибо Вам...» Больше я ее не видел.

Маска

Черты лица мелкие, внешность и походка тунгуса. Масляные глаза при виде женщин, любая лишь как объект вожделения. Без меры похотлив. Скабрёзная речь. Циничен. Жаден. Язвенник. Пьёт все время мутный отвар из термоса. Натужно косит под молодость, но зря, маска богдыхана со старой и залоснившейся гравюры.

Занимается резьбой по дереву. Медведи, черепахи и прочая лабуда. Не чурается бюджетных заказов города. Порочно – таинственные связи с управлением культуры.

То сколачивает шхуну в парке, то стучит молотком забивая гвозди в доски в городском центре, на площади. Доски не строганные, с древесной корой по бокам.

Арт-объект. Своеобразие «мастера».

К новогодним праздникам он опять будет слеплять снежные фигуры, горку, аттракционы. Что закажут. Суетлив. Тёмен. Шныряет по улицам зазывая помощников но, обманутые единожды, отворачиваются. Всегда при окончательном расчете отожмет определенную сумму в свою пользу. Видимо не бивали.

Ни жены, ни детей. Ни друзей.

Сейчас одет в коричнево-желтый камуфляж. Согнувшись

на морозе, дергает шнур бензопилы. Чертыхается. Не заводится.

Недалеко стоит его машина «Нива». Забрызгана осенней грязью. Посредине зимы. Пальцы его короткие, с красноватыми пятнами экземы. Часто моргает, как от яркого цвета. Чью жизнь он живет?

Обида

Ты такой же, как отец! – крикнула в сердцах мама. А мальчик плохо помнил своего отца, и поэтому ему стало интересно узнать, каким же был папа. Мама все равно ничего не расскажет, хотя отцово фото стоит на этажерке, на верхней полочке рядом с радио. Радио тоже было предметом любопытства, и однажды, когда мама была на работе, мальчик осторожно снял его со стены и разобрал, то есть выкрутил четыре болтика по углам задней стенки из толстой прессованной бумаги. Эта стенка, упав на пол, открыла ему удивительный мир: внутри было два загадочных проводка, тянущихся к тяжелой металлической воронке динамика, и квадратная ко-

робочка с блестящим стержнем. Загадочная поначалу коробочка оказалась всего лишь регулятором громкости. Неизвестный мальчику запах этих таинственных мерцаний смутно наваял далекую и светлую жизнь, вычитанную из книжек, которые занимали все остальные полки этажерки.

И в этот миг он вдруг вспомнил! Да, да!

Осенний холодный день, дождливый и ветреный, огромный перрон вокзала, женщины в жакетках, длинных юбках и на ногах боты с высоким каблуком. Мужчины в длинных пальто с широкими плечами, такие же широченные брюки, блестящие, отливающие чернотой, тупоносые туфли. Запах папирос, женских духов, мужского одеколona и угольного паровозного дыма. Мальчик еще очень мал, поэтому он видит огромные колеса вагонов, когда мама, спеша и таща его за руку, бежит вдоль состава. Там, где-то впереди папа. И почему то надо быстрее, быстрее, мальчику жарко в теплом плотном пальтишке, ноги заплетаются от тяжести грубых, на толстой подошве, ботинках. Но они успевают. И вот папа, увидев его, стремительно делает шаг навстречу, подхватывает на руки и прижимает к своей колючей щеке.

Мама смотрит снизу, молчит и отворачивается, а когда вновь взглядывает на мальчика, то он видит светлые дорожки от слез на ее обеих щеках. Звонкие и холодные удары колокола, горящего металлическим сиянием на стене вокзала, крик паровоза, суета, чемоданы плывут куда – то вверх и ис-

чезают в открытой вагонной двери. Крики людей, объятия, поцелуи, топот ног и наконец, напугавший мальчика лязгающий грохот состава, колеса оживают, вагоны срываются с места со скрежетом, свистом, невероятным шумом. Пепельно-черный дым паровозной трубы начинает стелиться вниз, закрывая и вокзал, и сумрачное небо с косыми ниточками дождя. Последний вагон убегая, резко открывает пространство, будто растворили двери закрытые до того, и мальчик видит мокрые рельсы, шпалы, острые серые камушки насыпи, а подняв глаза, замирает в удивлении. Сложенная из прямоугольных страшных камней, высоченная таинственная башня с отростком трубы на верхушке смотрит на него прокопченными глазами двух маленьких окон, забранных решеткой. – Что это, мама? – Водонапорная башня. – А зачем она? – В паровозы воду наливать. Отстань. – Мама плачет, роется в своей сумочке, выхватывает оттуда носовой платок и мальчик вдруг понимает, что они остались вдвоем. Ведь папа, он точно видел, сел в этот ушедший поезд.

Он быстро привинтил крышку радио на место, поставил его точно так, как было, и включил в розетку. Внимательно все осмотрел, чтобы никаких следов, а то мама опять устроит скандал, и остался доволен. Стояли уральские, жуткие январские морозы, по утрам заводской гудок трижды сигнализировал о том, что в школу идти не нужно, это радовало мальчика, можно почитать, посмотреть в окно на зябнувших прохо-

жих, на редкие автомашины, на лиловый утренний воздух, на поздно встающее ледяное и маленькое солнце. Но сегодня он решился написать папе письмо. Его адрес он нашел случайно в комодке, в коробочке, куда мама сложила домашнюю документацию. Здесь было свидетельство о рождении мальчика, мамин паспорт, ее свидетельство об окончании средней школы, ордер на жилплощадь, квитанции об уплате за свет и воду от конторы «Водосвет», свидетельство о браке родителей мальчика и десятки вовсе неинтересных бумаг.

Тут же аккуратной стопочкой, перевязанные тесьмой, хранились извещения об уплате алиментов. Каждый бланк, небольшой, из плотной бумаги, с четким шрифтом, с прописной суммой денег – «пятьдесят рублей 00 коп». – с отметкой каждого месяца за весь пятилетний срок после папиного отъезда. Мальчик взял новый конверт, лежащий тут же, старательно переписал папин адрес – Молдавская ССР, Кишинев, бульвар Роз, дом 65, кв.18. Фамилию, имя и отчество выписывал так, что на лбу выступила испарина от напряжения. Уф! Теперь самое главное. Письмо.

Но о чем писать? Мальчик задумался, и с внезапной горечью осознал, что он совсем не знает, о чем написать папе. А ему так хотелось, чтобы папа узнал, как он вырос, как учится, как любит читать, как он уже подрался, и не раз, с мальчишкой из соседнего дома, защищая свою одноклассницу от обид и едких намеков. О том, что он вовсе не безотцовщина, как упрекают его во дворе старшие мальчишки.

О том, что он просто очень скучает, и что ему и вправду нужен папа. И еще столько, столько всего необходимого нужно сказать папе... Что и тетрадки не хватит.

И тогда мальчик просто написал – «Здравствуй папа! Здесь очень холодно, стоят сильные морозы. Я очень скучаю по тебе, папа. Пришли мне яблок, зимой у нас их нет. У меня все хорошо, папа. Твой сын.»

Не прошло и двух недель, как пришла посылка, фанерный ящик, обшитый серой тканью, с сургучными печатями, с красивым каллиграфическим папиным почерком. В ящике были уложены великолепные крупные яблоки, красные, крепкие, с желтыми цветовыми переливами. Необыкновенно вкусные, мальчик еще никогда не ел таких изумительных яблок. Но съев только одно, он выложил все яблоки в корзину, осмотрел все стенки ящика, оторвал с него ткань, прощупал ее, заглянул во все щели, перетряс ящик над столом и почувствовал как снизу, от живота к горлу стремительно взлетел горячий огромный ком, глаза защипало, и хлынули слезы, обжигая щеки, перехватывая дыхание. Ни строчки, ни одного слова от папы не было...

Только яблоки, и яблочный запах, затопивший комнату.

Медаль

Далеко в горах грохнуло и покатилося дробящимся эхом. Я проснулся. Еле видимый рассвет холодным ознобом заглядывал в палатку. Услышал торопливые шаги часового, шум скатывающихся камней под его ногами. Быстро одевшись, натянул сапоги, накинул бушлат, передернул на ремне кобуру пистолета под правую руку и, подхватив свой автомат, выбежал в студеное объятие ущелья, где мы остановились на ночлег. Небо на востоке зажигалось пунцовым жаром. Грохочущее эхо повторилось, я успел заметить вспыхнувшую зарницу в районе дислокации нашей роты и мгновенно все понял.

Толкнув часового, заорал.

– Боевая тревога! Пять минут на сборы! Связиста ко мне!

Разведзвонд взметнулся из сна, без лишней суеты, выстроился в две шеренги на площадке, покрытой желтой тяжелой пылью.

Заспанные, бледные лица, ни улыбок, ни эмоций. Равнодушные воспаленных глаз.

– Слушай боевую задачу!

– Посты охранения остаются на занятых позициях! Старшим назначаю сержанта Карасева! Связист Еременко поступает в ваше распоряжение! Действовать согласно обстановке!

ке!

Взвод! Напра – во! За мной, бегом! Марш!

Слушая тяжелый топот за спиной, я сосредоточенно думал, что же могло случиться в расположении роты? С нашей стороны угроза исключена, дорожное полотно, замкнутое отвесными скальными стенами просматривалось уже 16 часов постами боевого охранения. Мы двигались авангардом, поэтому разрыв составлял 3 км. Рота утром должна была начать рассредоточение по горным высотам, занять позиции и проконтролировать прохождение колонны из Баграма, с горючим, продовольствием, боеприпасами и медикаментами.

(для справки: в Баграме, во время советско-афганской войны дислоцировалась база ВВС СССР, была построена взлетно – посадочная полоса, способная принимать тяжелые транспортные самолеты и стратегические бомбардировщики).

Впереди уже стоял автоматный треск. Короткие, с паузами, урчания боевых машин. Слышны тяжелые, хлесткие очереди крупнокалиберного пулемета. Опять грохотнул взрыв. – Гранатометами бьют сволочи!

За поворотом открылась клубящаяся пыль, жаркие всплески выстрелов. Слева от дороги, на скальном козырьке и межгорной ложбине движение фигур противника; корот-

кие автоматные очереди и перебег от камня к камню – выверенная тактика. Рота растянулась в обороне. Дымят, выбрасывая черные языки, два БМП – Максимов! Пулемет к бою! Видишь, слева! Сахно! (взводному снайперу). Найди позицию и гранатометчиков к ногтю! Взвод! К бою!

В этот миг выхватываю взглядом ближайшую к нам подбитую боевую машину, ставшую сейчас отличным укрытием.

– Короткими перебежками! Пошли!

Нас заметили, веер пуль, взбивая пыль, разметывая камни, лег чуть впереди. Все дружно повалились на спасительную землю. Только настала пауза, вскочили и бросились, пригибаясь, в тень БМП. «Молодец Максимов»!

Становилось жарко. Справа ударила 30 мм автоматическая пушка с башни оставшейся невредимой машины – пробивая бреши в скоплении противника на гористом спуске, высокими взрывами раскидывая камни в ложбине, где укрылись душманы.

– Серегин, Ясунов! Проверьте коробочку, что там с экипажем, и башню!

Они нырнули во чрево подбитой машины.

– Все двухсотые! Пушка и пулемет в порядке!

– Вот молодцы! Вовремя ударили!

Это лейтенант Драганов из второго взвода, разгоряченный, с разорванным рукавом, в потеках крови. Пробрался к нам от – залегшей за обочиной дороги – роты.

– Ты ранен? Давай перевяжу!

– А, черт, я и забыл! Мои бойцы!

Он кивает на дымящуюся машину, откуда вынимают и укладывают в ряд погибший экипаж. Морщится от моих неумелых движений с индивидуальным пакетом и матерится сквозь зубы, взглядывая в сторону противника.

– Отходят, суки! Представляешь? Хотели нас врасплох взять! Вот эти пацаны и спасли!

Он здоровой рукой хлопает по броне машины. Я сую ему в рот раскуренную сигарету.

– Вовремя заметили и открыли огонь! А то перестреляли бы как куропаток!

В его глазах плещутся боль и отчаяние. Бледность щек. Целиком еще там, в горячке боя.

Через три минуты, доложив командиру о своих действиях, я приказал личному составу привести себя в порядок, получить боеприпасы и приготовиться к возвращению на боевые позиции.

Ротный закурил, долго разминая перед этим сигарету. На запястье светился фосфором циферблат командирских часов. Прокопченные пальцы. Стальные от усталости глаза.

– Смотри там внимательней! По разведанным ожидается масштабная операция в нашем районе! Обещали десантуру нам в подмогу, но как говорится, Бог располагает!

Неровский был крепкий, боевой офицер,

Я знал одну историю из его личной жизни. Но об этом не сейчас. Да и встреча наша была последней, он был убит снайпером спустя два дня.

Год назад в его военной судьбе произошел совершенно обычный для военного времени случай. Приехал в роту проверяющий майор из Москвы. Покрасовался, полюбовался горными вершинами и распорядился проехать до ближайшего кишлака на бронетранспортере. Не доезжая запыленных улочек и построек, увидел персиковый сад, приказал остановиться и нарвать ему нежных плодов для подарков в столице. Боец спрыгнул, шагнул... взрыв. До госпиталя довели, но остался без ног.

Майор, чувствуя за собой вину, представил солдата к награде. Неровский, узнав как все было, ворвался вечером к нему и вызвал майора на дуэль! И тот, придавленный страхом, обливаясь липким потом в жаркой афганской ночи – бежал! Его так и не нашли.

Фраза капитана – «шакал в поле не воин» облетела всю дивизию. Дело пришлось замять. Особисты не нашли обвиняющего материала.

А месяцем позже Неровский просветил и меня. Я был молод, горяч, под воздействием первых впечатлений военных будней написал небольшой очерк о холоде и голоде бойцов на дальних постах боевого охранения.

Дождавшись приезда корреспондента «Красной звезды» вручил ему два листа исписанной мной бумаги. А вечером был вызван в Особый отдел, где щеголеватый старший лейтенант, положив руки на мои листы, разложенные на столе, хорошо поставленным голосом, постукивая пальцами, объяснил, что мои высказывания противоречат Уставу. Корреспондент сидел тут же. На меня не смотрел, его пыльные ботинки, новые, нетоптанные, не знавшие смертельной усталости ног, более всего раздражали меня. Да Бог с ним.

Неровский ждал пока я выйду, и, шагая рядом, выслушав мое недоумение и готовность искать способ передачи материала в прессу, тихо сказал, придерживав за локоть.

– Брось! Тот старлей, с которым ты сейчас беседовал, просто выстрелит тебе в спину. Не забывай, что здесь – война!

Мы с ним крепко выпили в тот злополучный день. Он все время порывался рассказать мне о своей безответной любви, я останавливал, задавал вопросы о его офицерской судьбе, почему он здесь, а не на Дальнем Востоке.

– На Востоке, о котором ты спрашиваешь, вместо армейских подразделений – липкая масса медуз. Армия начала

разрушаться оттуда, словно после войны с Японией в 1905. Все повторяется. Ты не находишь?

Он рассмеялся, наполнил стаканы.

– Мы все умрем, а кто останется живым – изопьют чашу позора.

Мы поздно легли спать, уже рассветало, далеко в горах были слышны одиночные выстрелы, несло холодным ветром в щели стен, мерцала за пыльным стеклом красная луна, холодила ладонь рукоять пистолета под подушкой. И в этой тревожной застывшей пустоте, я вдруг остро пожалел, что не выслушал Неровского о личных любовных неурядицах. Быть может это и есть самое важное в нас. Пока мы живы.

Через неделю после его гибели пришел приказ о присвоении ему очередного воинского звания, о награждении медалью «За боевые заслуги». И штабные офицеры долго думали, что делать с законной наградой. Родных у Неровского не было. Да и война вскоре закончилась. И есть смутные предположения, что медаль боевого офицера носит на своей выпуклой груди тот старший лейтенант, так и не выстреливший мне в спину.

На войне как на войне.

Роза для Фролова

Когда мне исполнилось 16, я, заплатив символические 16 рублей – совпадение загадочных чисел и времени – вступил в Общество охотников и рыболовов. Это давало мне право на приобретение охотничьего ружья, боеприпасов, и разрешение для охоты на водоплавающую и боровую дичь. Стоял октябрь, проснувшись в 4:00 по внутреннему сигналу, не беспокоя родителей, я торопливо оделся, обул болотные сапоги, накинул на плечи рюкзак, прихватив патронташ и ружье, вышел в темноту. В нечаянном свете вспыхнувшей зажигалки, в угловой беседке двора, я успел заметить золотоволосую женскую голову, мужские руки и огонек сигареты. Не придав этому никакого значения, проследовал мимо. Город еще спал. Светились одиночные фонари. Расчет мой был в том, чтобы до зари успеть добраться до озера.

Предвидя чью-то ухмылку, сообщаю читателям, что в этом возрасте я был очень серьезен, самолюбив и прямолинеен, с отсветом стыдливости и юношеского смущения. Чтобы убедиться в первой самооценке, достаточно взглянуть на результаты моего похода за дичью. Стрелять я умел. С десяти лет упражнялся из пневматической винтовки во дворе нашего дома, в узком межгаражном каньоне. Конкуренция была высокой. Возраст и физическая сила не играли никакой роли. Это не драка. Это умение попасть в пробку от пивной

бутылки с 15 шагов. В нашей компании сделать подобное удавалось двоим. Я был в том числе.

Продолжая и перейдя ко второму утверждению, признаюсь вам и той девочке, что перемахнув через забор ее дома на окраине города, осыпав себя рухнувшей каплей с рябины и подойдя к окну, где она спала, постоял минуты три, даже показалось, слышал дыхание. Окно было зашторено, отсвечивало, манило каким то особым внутренним светом. Я приложил ладонь к стеклу, прошептал ее имя, но взглянув на часы, побоялся разбудить. Так невесомый и хрупкий, словно осенний прозрачный ледок на лужах, эпизод, окутанный темнотой и туманом, падающими каплями редкого дождя, ощущением ее близости, всепоглощающего чувства первой влюбленности и смутных желаний остался неизвестной страничкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.